

•

**РЕТРО-ДЕТЕКТИВЫ
АНТОНА ЧИЖА
И ИВАНА ЛЮБЕНКО**

•

И В А Н

ЛЮБЕНКО

• маскарад со смертью •

Москва
2020

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Л93

Художественный редактор – *Александр Аверьянов*

На обложке:

Актер театра и кино *Антон Хабаров*
в роли *К.П. Ардашева*

Актриса театра и кино *Евгения Розанова*
в роли *Клары Жих*

Автор книги *Иван Любенко*
в роли делопроизводителя полицейского управления.

Любенко, Иван Иванович.

Л93 Маскарад со смертью / Иван Любенко. – Москва :
Эксмо, 2020. – 384 с.

ISBN 978-5-04-108372-4

Выйдя в отставку, Клим Пантелеевич Ардашев, бывший начальник Азиатского департамента МИД в России, мечтал о жизни провинциального отшельника-сибарита. Но не тут-то было: неожиданно убивают его знакомого ювелира Соломона Жиха, а тот в предсмертной записке просит Ардашева позаботиться о его красавице жене Кларе...

Расследование трагической смерти Жиха заводит Ардашева в дебри человеческих чувств и отношений: любовь оборачивается предательством, а предательство – прощением...

УДК 821.161.1-312.4

ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Любенко И., текст, 2020

© Асадчева Е., иллюстрации, 2020

© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2020

ISBN 978-5-04-108372-4

*Светлой памяти
Пархомовой Раисы Ивановны
посвящаю...*

Газета «Северный Кавказ», №84
от 3 августа 1907 года

ПРОИСШЕСТВИЕ:

«**К**ак следует из сообщения в газете «Московский Листок», в четверг, августа 1-го дня, поздно вечером, в Москве, со станции «Палагиада» Владикавказской железной дороги была получена телеграмма об убийстве в купе первого класса международного общества спальных вагонов директора московского отделения торгового дома «Бушерон» в Париже г-на Жоржа Делавинь и его двадцатилетнего сына Людовика. Преступление совершено с целью грабежа.

В Москве, в дополнение уже сообщенной телеграммы, нам удалось узнать от людей, близко стоящих к фирме «Бушерон», имеющей на Кузнецком мосту громадный ювелирный магазин, не лишенные интереса подробности.

Недели две тому назад покойный Жорж Делавинь получил из Парижа от главы вышеупомянутой фирмы письмо, в котором ему предлагалось отобрать большое количество драгоценных камней и отправить их в соответствии с прилагаемым списком в губернский город Ставрополь, в сопровождении двух доверенных лиц.

Г-н Делавинь, находившийся на службе у фирмы «Бушерон» более двадцати лет, как человек крайне осторожный и недоверчивый, опасаясь препоручить драгоценности чуть ли не на миллион рублей кому-либо, решил лично выехать по месту назначения со своим старшим сыном, тоже состоящим

на службе в этой же фирме. Господа Делавинь, имея в ручном, сравнительно небольшом, кожаном саквояже драгоценных камней на очень значительную сумму, тридцатого дня, минувшего июля, выехали в Ставрополь.

К исходу вторых суток поезд благополучно проследовал станцию Кавказскую, где имел остановку в семнадцать минут, и через непродолжительное время снова замедлил ход между разъездами. В этот момент кто-то открыл автоматический тормоз Вестингауза и в вагон международного общества спальных вагонов ворвались двое вооруженных грабителей в национальных горских одеждах и в черных масках. Разбойники стремительно направились в купе №8, занимаемое французскими подданными. Время было около полуночи. Служащие ювелирной фирмы, видимо, уже спали, и поэтому в один миг были застрелены. В каждого из них попало по нескольку пуль, предположительно из маузеров. Раны оказались смертельными. В момент внезапно раздавшихся выстрелов все пассажиры оцепенели от ужаса, и никто даже не попытался броситься им на помощь. Грабители-убийцы, пользуясь общей паникой и темнотою, выбежали из вагона и, никем не задержанные, бесследно скрылись в степи. Кожаный саквояж исчез вместе с драгоценностями.

Вызванные тотчас же казаки бросились в погоню и оцепили окрестную местность. Розыски велись всю ночь и весь следующий день. Результат их пока неизвестен.

После покойного остались жена, сын и дочь-невеста, свадьба которой должна была состояться после возвращения отца.

По получении печальной телеграммы супругу постиг нервный удар. В настоящее время она очень слаба и никого не принимает.

Среди ювелиров г-н Жорж Делавинь слыл большим знатоком брильянтов и мастером редкой огранки».

КУПЕ №8

Теплое южное солнце играло веселыми лучами на лицах публики, ожидающей на перроне прибытия кавказского скорого поезда. Разгоняя усевшихся на рельсах ворон, жадно подбирающих спелую мякоть оброненного кем-то арбуза, уставший паровоз натужно разразился продолжительным свистком и медленно подкатил к перрону городского вокзала. Его огромные колеса с белой окантовкой и красные дышла с шатунами были намного выше человеческого роста и от этого казались лапами фантастического, инопланетного существа из «Войны миров» Герберта Уэллса. Белый номерной знак, нанесенный на нижней части будки машиниста и на буферном бруске, позволял предположить, что паровоз серии «ОВ» числится за 112-м порядковым номером и приписан к Владикавказской железной дороге. Черный цвет предусмотрительно скрывал толстый налет угольной сажи на длинном стальном туловище, и только чумазая, но счастливая физиономия помощника машиниста полностью раскрывала задуманную конструкторами маскировку.

Станционный смотритель трижды ударил в медный, начищенный до блеска колокол. Растянувшийся как гусеница состав вздрогнул и остановился. Встречающие с нетерпением гляделись в окна, дожидаясь, когда же, наконец, вагоновожатые дадут команду выпускать пассажиров.

Этот опоздавший поезд ждали. Четверо господ в штатском быстро подошли к вагону международного класса, предъявили проводнику полицейские жетоны и,

пропустив спешившего по коридору священника с громоздким чемоданом, почти беспрепятственно прошли до восьмого купе.

Начальник местного жандармского отделения Владимир Карлович Фаворский, судебный следователь Фельденкрейц, штатный полицейский фотограф Яблочков и врач Топорков протиснулись в проем узкой двери и... остановились в оцепенении.

На спальных местах мирно покоились два застывших окровавленных тела. Стены и потолок были забрызганы алой мозговой жидкостью. Внешне создавалось ощущение того, что несчастные так и не успели проснуться в момент, когда обезумевшие от собственной дерзости преступники разрядили в них оружие. На столе лежала начатая коробка шоколадных конфет фабрики Абрикосова и две пустые чайные кружки.

Следственная команда принялась за работу. Фотограф, установив треногу, выбирал нужный фокус объектива. Врач ощупывал тела и фиксировал повреждения. Расположившись у боковой полки, следователь методично вносил карандашом данные в протокол, а Фаворский с помощью перочинного ножа старательно выковыривал из полированного дерева глубоко засевшие пули.

— Девятнадцать выстрелов... Стало быть, палили из двух пистолетов. Выходит, в каждом минимум по десять патронов. Да и калибр почти как у винтовки Мосина, — рассматривая на свет извлеченную из обшивки вагона совсем не поврежденную пулю, делился соображениями жандармский ротмистр. — Что ж, господа, не ошибусь, если предположу, что это германский маузер — новое универсальное десятизарядное оружие, сочетает в себе качества пистолета и легкого карабина. Последнее время ими усиленно вооружается турецкая армия.

— Хотелось бы знать, кому досадили эти несчастные и за что их так усердно свинцом нафаршировали. Куда они направлялись и кто их здесь ожидал? — задумчиво проронил следователь.

— Боюсь, господа, что с этим делом нам придется изрядно повозиться. Да и не все здесь так просто, как может показаться на первый взгляд. У меня даже нет точной уверенности в том, что явилось причиной их смерти, — неуверенно выговорил врач.

— Позвольте, Сергей Матвеевич?! И что же вы имеете в виду? Да ведь из них решето сделали, а вы причину не найдете, — удивленно вскинул брови Фельденкрейц.

— Возможно, вы были бы правы, если бы не одно важное обстоятельство — у обоих трупов довольно сильно расширены зрачки. А если учесть, что в момент налета они спали, то, согласитесь, это довольно странно. Одним словом, без вскрытия установить точную причину смерти будет невозможно.

— С нетерпением буду ждать вашего заключения, доктор, — согласно кивнул следователь.

— Смею предположить, господа, что это иностранцы. Судя по ярлычкам, вся одежда куплена в парижских магазинах, — заключил ротмистр, копаясь в дорожном чемодане одного из потерпевших.

Рутинный осмотр продолжался. Опрошенные проводники пояснили, что найденные мертвыми господа направлялись в Ставрополь. По крайней мере, это следовало из предъявленных ими билетов. По-русски изъяснялись сносно, хотя и с заметным французским акцентом. В вагоне-ресторане долго не задерживались. С собой постоянно носили небольшой кожаный саквояж. Его-то в купе и не оказалось.

Установить личность того, кто перед нападением дернул ручку Вестингауза, так и не удалось. Но незадолго до экстренной остановки проводник вагона второго класса, где и был сорван тормоз, видел в коридоре даму в белом платье и с вуалеткой. Правда, опознать таковую впоследствии не смог. Опрошенные пассажиры свою причастность к остановке полностью отрицали.

И хотя преступления на железнодорожном транспорте — вотчина жандармского управления железных дорог, дело по двойному убийству было поручено Фаворскому, который формально никакого отношения, как руководитель политической полиции, к вышеназванной организации не имел. Но из-за отсутствия в городе соответствующей структуры отдуваться приходилось именно ему. Правда, в этом было и некоторое преимущество — в распоряжении ротмистра всегда были лучшие следователи судебного департамента, штатные полицейские врачи и даже фотограф. Слава богу, основная работа от этой дополнительной обязанности не особенно страдала, потому как смутьянов в городе уже почти всех повывели и аресты да обыски у разного рода революционеров и анархистов были редкостью. И только высылаемые из столицы поднадзорные студенты еще доставляли хлопоты, забывая вовремя отметиться в местном охранном отделении. А иногда, выпив лишнего, они выкрикивали на Александровской базарной площади антиправительственные лозунги. Их тут же задерживали городские и, промурыжив ночь в участке, наутро, как правило, отпускали.

Новое злодеяние выбивалось из ряда обычных железнодорожных краж и пьяной вагонной поножовщины. Поиск преступников мог затянуться надолго. Вопросов у

ротмистра было гораздо больше, чем ответов. Опыта в раскрытии такого рода дел у тридцатилетнего начальника не имелось. Да и откуда было ему взяться, ведь за последние три года жизнь офицера сделала несколько головокружительных и неожиданных виражей, полностью изменив его судьбу.

Еще совсем недавно штабс-ротмистр 17-го драгунского Нижегородского Его Величества полка с началом русско-японской войны был всецело охвачен духом самопожертвования и патриотизма. Повинуясь героическому порыву, он сразу же написал рапорт о направлении на фронт и в скором времени был зачислен в Терско-Кубанский полк, ожидающий отправки на Дальний Восток.

Уже через пару месяцев, во время Мукденского сражения, конный разъезд под его командованием, неожиданно оказавшись в тылу врага, с ходу атаковал и уничтожил артиллерийскую батарею новых японских скорострельных пушек «Арисака». Во время боя отважный офицер получил ранение, но несмотря на это его кавалерийское подразделение в полном составе благополучно вернулось в расположение части. За этот подвиг штабс-ротмистр был удостоен ордена Святой Анны III степени с надписью «За храбрость» и досрочного присвоения очередного воинского звания.

Выйдя из госпиталя и насмотревшись на бездарное командование генералов, Фаворский решил подать в отставку, но в штабе дивизии его нашел прибывший из столицы господин, который и предложил службу в политической полиции. Недолго думая, драгунский офицер дал согласие и был направлен в Санкт-Петербург слушателем специальных курсов при Штабе Отдельного корпуса жандармов. Сразу после их окончания Владимира

Карловича командировали в Ставрополь, где он и остался, возглавив местное охранное отделение при Терском жандармском управлении.

Несомненным достоинством нового начальника ставропольской охранки была его удивительная способность быстро сходиться с людьми. Высокий подтянутый красавец, с открытым лицом, с закрученными в спираль модными усами, с приятным чистым голосом и мягкими манерами, располагал к общению и производил впечатление благовоспитанного, не имеющего ничего общего с грязными полицейскими провокациями человека. Многие ему верили, открывали душу и успокаивались. Но ненадолго... Защищая Добродетель от Дьявола, он и сам стал незаметно превращаться в жестокого и беспощадного «охотника за бунтарями», как иронично величал Владимир Карлович себя и своих сослуживцев.

Благодаря его стараниям за последний год количество тайной агентуры выросло. Вербовочные беседы он проводил лично, встречаясь с «объектами» на конспиративных квартирах.

Учитывая скудные официальные возможности по денежному вознаграждению добровольных помощников, Фаворский оказывал осведомителям разного рода мелкие преференции: помогал устроить на бесплатное обучение в гимназию детей; снимал наложенные полицией штрафы за нарушение правил торговли; смотрел сквозь пальцы на печатание книг в типографии Тимофеева свыше заявленного тиража, что, по сути, являлось незаконным промыслом и могло повлечь уголовное наказание.

К сожалению, картина налета на поезд вырисовывалась достаточно туманная и, сказать по правде, малопонятная. Но, следуя хорошо усвоенному курсу разыскного

дела, ротмистр понимал, что надлежало перейти ко второму обязательному этапу — сбору необходимой информации. Для этого предстояло четко поставить задачи осведомителям и грамотно распорядиться полученными донесениями, то есть суметь составить из разрозненных, часто противоречивых сообщений яркую и понятную логическую цепочку человеческих поступков.

Интуиция подсказывала, что ключ к разгадке тайны убийства иностранцев лежит где-то на поверхности, надо лишь его внимательно рассмотреть среди цепи обычных и, на первый взгляд, ничем не примечательных событий.

● 3 ●

НОВАЯ ЖИЗНЬ

Присяжный поверенный Клим Пантелеевич Ардашев был совершенно удовлетворен теперешней, полной домашнего уюта и спокойствия, гражданской жизнью ставропольского обывателя, тем более что сорок лет — возраст, когда мудрость уже пришла, а старость еще не наступила.

Но два года назад, вернувшись в Одессу из заграничной командировки на борту греческого судна с документами на имя австро-венгерского подданного, тайный посланник Российской империи привез с собой не только тяжелую форму тропической лихорадки, но и сквозное ранение обеих ног. Это был результат выполненной, но очень опасной операции по перехвату личного послания премьер-министра Великобритании Артура Бальфура представителю Соединенного Королевства на ожидае-